

З ДРАВЫЙ СМЫСЛ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболи-на — доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.
E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Рассматривается проблема взаимоотношения здравого смысла и различных феноменов иррационального: противоречивых и абсурдных ситуаций, паранормальных переживаний, деперсонализации и избыточных страстей. Автор прежде всего обращается к уточнению понятия здравого смысла, отличая его от обыденного сознания, это отличие он усматривает в личностном и ответственном характере здравомысленного мышления и поведения. Здравый смысл описывается как такое явление рациональности, которое выступает чрезвычайно гибким инструментом практической жизни. В ходе статьи демонстрируется, что здравый смысл — весьма устойчивое образование, он выдерживает испытание самыми разнообразными иррациональными ситуациями, которые на первый взгляд должны были бы его разрушить. Но, полагает автор, в силу того, что здравый смысл — не только логика, но также способность к интерпретации, юмору, игре, он способен сохраняться даже при паранормальных переживаниях и находить выход из социального и житейского абсурда. Однако здравый смысл не выдерживает испытаний, связанных с разными формами разрушения личности или снижения ее роли. Автор рассматривает ряд психологических феноменов, связанных с гипертрофией эмоциональных и волевых моментов, и показывает, что здравомыслие отступает, когда страсти становятся слишком сильными, а человеческое «я» ведомо внутренними или внешними неподконтрольными ему силами. Иррациональными моментами, существенно потесняющими здравый смысл, являются с точки зрения автора также некоторые социальные явления, например формально-бюрократическое управление.

Ключевые слова: здравый смысл, рациональное, иррациональное, эмоции, страсти, абсурд, парадокс, паранормальные ситуации.

COMMON SENSE AND THE IRRATIONAL

Elena Zolotukhina-Abolina — PhD in philosophy, professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

The paper is devoted to the problem of the relations between the common sense and the various forms of the Irrational: contradictory and absurd situations, paranormal experience, depersonalization and excessive passion. First of all, the author precises the concept of common sense, distinguishing it from the so-called everyday conscience. The difference is in the personal and responsible character of the common sense thought and behaviour. The common sense is described as an extraordinary flexible instrument of the practical life and a particular phenomenon of the rationality. The paper demonstrates that the common sense is stable. It can be examined and seduced by the very different irrational situations which might destroy it. But the common sense can save itself even in the paranormal experience and quit from the social daily absurd because it isn't merely logic, — it has capacity to the interpretation, humour and playing. However, the common sense cannot survive any demolition of the personality or diminution of its roles. The author examines psychological phenomena including the hypertrophy of emotion and will. It will be shown that too strong passions and loss of self controlling makes the common sense step back. The formal rule of bureaucracy is also the moment which pushes the common sense aside.

Key words: common sense, the rational, the irrational, emotions, passions, absurd, paradox, paranormal situations.

Постановка проблемы

Здравый смысл, как ни странно, один из весьма загадочных феноменов человеческой жизни. Субъективно он воспринимается как нечто ясное, в прямом смысле слова «здоровое» — здоровое размышление, здоровое поведение, но сами черты этой «здоровости» являются предметом рефлексии и споров. Так, здравый смысл то отождествляется со стереотипностью и нормативностью обыденного сознания, то рассматривается исключительно как «стремление к жизни и развитию», то оказывается другим названием суждений рассудка. Однако в любом случае здравый смысл выглядит как начало рациональное, практичное, более того, прагматичное и радикально противостоящее любой парадоксальности, иррациональности и паранормальности. Так ли это? До какой степени здравость способна уживаться с «нездравостью»? Где явственные границы здравомыслия и является ли сам здравый смысл целостным и неделимым?

Статья ставит несколько задач. Прежде всего — уточнить черты здравого смысла как ментального и поведенческого явления. Затем — определить характер связи наличного здравомыслия с явлениями, казалось бы, явно его нарушающими, но окончательно не отрицающими «здорового ума». Далее попытаемся указать те границы, за которыми здравый смысл явно не работает, и его столкновение с «необоримым иррациональным».

Статья не преследует цели дать историко-философский обзор темы здравого смысла, так как он уже давался, и весьма успешно, другими авторами [Мигуренко, 2013; Яковлева, 2007].

Здравый смысл: черты портрета

Говоря о здоровом смысле, мы так или иначе имеем в виду своеобразный *уровень рационального сознания*, присущий большинству людей, живущих обычной повседневной жизнью. Здравый смысл выступает инструментом адаптации и целедостижения как в «штатных», так и во «внештатных» ситуациях. Он свидетельствует о ясном понимании событий (без иллюзий и избыточных фантазий), о сообразительности и сметке, является первейшим помощником в решении житейских задач. Обратимся к мнению известного американского антрополога К. Гирца, который пишет: «Анализ здравого смысла в отличие от пользования им должен, таким образом, начинаться с четкого проведения различия между простым, прозаичным восприятием реальности — или тем, что вы назовете таковым, — и заземленной, разговорной мудростью, выражающейся в суждениях о ней или ее оценках. Говоря о том, что кто-то выказывает здравый смысл, мы

предполагаем, что этот персонаж не просто пользуется своими глазами и ушами, но делает это осознанно, умно, рефлексивно и что, делая это, он способен справляться с повседневными проблемами повседневными способами и с некоторой степенью эффективности. А когда речь идет о нехватке здравого смысла, то подразумевается не умственная отсталость, не отсутствие способности понять, что вода мочит, а огонь жжет, но исключительно то, что индивид не справляется с ситуационными задачами, которые ставит перед ним жизнь» [Гирц, 2008].

При этом здравый смысл, с одной стороны, является живым проявлением установок обыденного сознания, а с другой — несомненно выходит за его пределы. А. Шюц, описывая здравый смысл, фактически отождествляет его установки с установками повседневного мироотношения. Он описывает «мыслительные конструкты здравого смысла» [Шюц, 2004: 10–33], восприятие социокультурной реальности, в которой мы живем, как неоспоримой данности, ее упорядоченность и типизированность, взаимность перспектив, повседневный язык как язык вещей и событий, социальное распределение знания, многообразие форм близости и анонимности, конструирование другого как частичной персональности (наличие социальных ролей), наличие стандартов поведения и т.д. Разумеется, все эти моменты входят в здравый смысл наряду с нормами поведения и общепринятыми оценками ситуаций, но черты обыденного сознания — черты анонимные, некие предпосылки индивидуальных суждений и поступков. А здравый смысл свойствен конкретным людям (причем некоторым — не свойствен). Поэтому здравый смысл — это *обыденное сознание в действии, в поведении, в поступке*, причем не какое-нибудь, а нацеленное на *достижение блага в его общепринятом понимании*.

В отличие от «обыденного сознания» как такового здравый смысл является *ситуативным и контекстуальным*. Его суждения — применение воспринятых общезначимых правил для решения практической задачи «здесь и сейчас». Вспомним И. Канта, который отличал способность суждения от рассудка тем, что она — это умение «подводить под правила», и при этом утверждал, что «способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя» [Кант, 1964: 218], и здесь же: «Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства». В этом смысле суждения здравого смысла — суждения неглупые, умело применяющие нормы и правила для решения практических задач.

В качестве момента здравости здравому смыслу присущи сбалансированные мерные характеристики, что отмечают многие авторы. «Здравомыслие, — пишет Л.Е. Балашов, — это когда человек не торопится делать выводы и одновременно не затягивает с выводами, в меру рассудителен и в меру безрассуден, в меру осторожен и в меру

смел, в меру верит и в меру не верит, в меру сомневается и в меру не сомневается, в меру надеется и в меру не надеется, в меру боится и в меру не боится» [Балашов, 2001: 295]. То есть здравый смысл хорош тем, что не впадает в крайности, и в этом смысле, если следовать Аристотелю, он является немалой добродетелью.

Здравый смысл — всегда *принадлежность личности*, конкретно человека, он выдвинулся на первый план в эпоху Просвещения, когда Европа радикально избавлялась от средневекового наследия с его жесткими традициями и господством догматики, а в практической жизни стали цениться способность самостоятельного рассуждения, определенная проворность ума. «Здравый смысл, — пишет Т.Б. Длугач, — обнаруживает себя как своеобразный орган человеческого интеллекта, переводящий всеобщие определения духа в некий узкий и прочный круг личного в выборах решения и личной ответственности за *этот* поступок, за *этот* день, за *это* содержание своего поведения», и далее: «Фактически понятие здравого смысла тождественно понятию автономной личности, которая формируется начиная с XVII в. и постепенно становится основой демократического общества» [Длугач, 2008: 9].

Как принадлежность автономной личности, здравый смысл оказывается тесно связан с *ценностями человека, его моралью, а также эмоциями*. Он не может быть «просто цепью рассудочных размышлений», потому что людей без эмоций и предпочтений не бывает. Здравый смысл, несомненно, стремится, как мы уже заметили, к «общепопулярному благу», но не обязательно исключительно и только к собственным «жизни и развитию». Здравость тяготеет к прагматичности, но не сводится к ней, подчиняясь ориентирам культуры и усвоенной индивидом нравственности. Если ценности, которые высоко значимы для личности, превосходят ее саму, то даже самопожертвование в контексте личностного выбора может быть здоровым решением. Люди нередко сознательно и даже хладнокровно жертвуют собой ради своих убеждений, военной победы или блага собственной семьи, считая это поведением, наиболее соответствующим ситуации. Хотя, конечно, при здравости все же доминирует стремление жить и жить, по возможности, хорошо.

Эмоции, которыми наделена личность, чаще всего мешают здравому смыслу как взвешенной практичной рассудительности. Страх, любовь или бесосновательная надежда препятствуют ясности взгляда, к чему мы еще обратимся. Здесь лишь хочется подчеркнуть, что ответственность, свойственная действительно здравомыслящим персонам, обычно не переходит в невротическое чувство вины, не самодовлеет, оставаясь в пределах «операционального отношения», как момент оценки собственного поведения в целях его совершенствования.

Поскольку здравомыслие — момент выбора автономной личности, постольку оно несет в себе свойства самого акта выбора, который, если вспомнить Ж.П. Сартра, тесно связан со способностью *творчества и изобретения* [Сартр, 1989: 339]. Как же именно человеческое сознание в лице здравого смысла уживается с тем морем вне-рационального и иррационального, которое его окружает?

Здравый смысл: парадоксальное и паранормальное

Используемое нами слово «иррациональное» следует объяснить для ясности дальнейших размышлений. На наш взгляд, эмоции, волю и другие характеристики внутреннего мира лучше именовать «внерациональными» до тех пор, пока они не превышают обычной меры и не пытаются подменить собой моменты рациональности, вытеснить их. Об *иррациональном* мы вправе говорить либо тогда, когда внерациональные — внелогические, случайные, бессвязные, сугубо континуальные и неопределенные — моменты, а также моменты абсурдные и противоречивые, не вписанные в обычный опыт, вступают в конфликт с рациональным пониманием и рациональными, целесообразными способами действия. Иррациональные переживания могут целиком охватывать и определять поведение человека, но и практические житейские ситуации могут выступать как выпадающие из всяких правил и из наличной картины мира, а также ввергать людей в состояние неразрешимого противоречия. В отличие от внерационального, которое составляет с рациональным вполне гармоничную мозаику, а порой и амальгаму, иррациональное всегда так или иначе вводит в стресс, нарушает порядок, пугает. Поэтому очень важно понять, способен ли человек сохранять в иррациональных ситуациях здравый смысл, что происходит с сознанием и волей, как мы реагируем на парадоксальное и паранормальное, когда оно вторгается в нашу жизнь.

Концепция сознания В.М. Аллахвердова дает определенные объяснения возможностям сознания вообще и здравого смысла в частности справляться с иррациональными факторами жизни. Аллахвердов видит сознание как инстанцию, постоянно создающую гипотезы о мире и проверяющую их, но при этом создается «защитный пояс осознаваемых гипотез», с которыми сличается реальность. В книге «Сознание как парадокс» Аллахвердов описывает эмпирически проверенные многими психологами реакции обычного человеческого сознания на случайные, смутные и противоречивые ситуации. По результатам исследований он утверждает, что при получении противоречивой информации сознание как логическая система стремится не осознавать наличное противоречие, избавиться от противоречивого

переживания и исказить информацию так, чтобы она укладывалась в привычные связные формы.

Если принятие решения расходится с ожиданием, сознание дольше работает над ситуацией. Если же сознание сталкивается с чем-то совсем не вписывающимся в картину реальности, оно настойчиво стремится связать непонятное с понятным и вписать неизвестное в известное. «Закон разрыва шаблона: неожиданная смена контекста вызывает эмоциональный шок и сбой в поведении, — пишет Аллахвердов, — пока в результате длительной работы защитного пояса сознания не произойдет переинтерпретация (переструктурирование) ситуации, т.е. не будет найден новый контекст, который порождает бы ожидания, более соответствующие действительности» [Аллахвердов, 2000: 496].

Кроме способности переинтерпретации и соответственно «иногo объяснения ситуации» сознание, как отмечает Аллахвердов, «имеет много возможностей подтверждать свои гипотезы. Всегда можно выбрать такие слабые требования к точности соответствия, когда все что угодно может быть отождествлено со всем чем угодно. И всегда существует такой признак, по которому можно отождествить два во всем остальном совершенно различных явления» [Аллахвердов, 2000: 500]. То есть Аллахвердов показывает, что в логическом отношении здоровое обыденное сознание в состоянии справиться с «иррациональным накатом» своими собственными логически-интерпретативными средствами, оно делает бессмысленное осмысленным, создает закономерность там, где ее, возможно, нет, и строит такой вариант картины мира, в котором можно действовать если и не по привычным лекалам, то во всяком случае осмысленно. Можно сказать, что «по здравому смыслу» мы стараемся действовать «согласно логике вещей», даже если эту логику нам приходится производить самим.

Немало внимания тому, как обычное, здоровое человеческое сознание справляется (или не справляется) с иррациональными для него ситуациями, уделает Пол Вацлавик. Он говорит о противоречивых и парадоксальных предписаниях и обещаниях. Противоречивыми он называет предписания, когда человеку приходится выбирать одну из двух альтернатив, отказавшись при этом от другой. Например, нельзя съесть пирожное вечером и одновременно оставить его на утро. «Но при противоречивом предписании, — отмечает он, — логический выбор все же возможен. Парадоксальное предписание, напротив, *делает бессмысленным сам выбор*, поскольку ни одна из альтернатив не представляется возможной» [Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000: 226]. Вацлавик называет это патогенной ситуацией двойного ограничения. Это положения, когда человек, чтобы выполнить указание, должен его не выполнить (знаменитый парадокс брадобрея, который бреет всех солдат, которые не бреются сами) или же и выполняя, и не выполняя предписание, все равно оказывается виноват и наказан. Самое

печальное, что при жестких отношениях подчинения бессмысленное указание не может обсуждаться. Р. Лэнг тоже описывает подобные ситуации, говоря, например, что если мать отталкивает ребенка, когда он подходит к ней, и обижается, когда он не подходит, при этом ничего не объясняя, то это даже может стать источником шизофрении.

Как же здравый смысл способен справляться с парадоксальными указаниями (и обещаниями), не впадая в ступор и оставаясь здоровым? Кстати, из противоречивых указаний он, как правило, выходит с успехом: можно вечером съесть полпирожного, а половину оставить на утро... Думается, здравый смысл во всех случаях выручает то, что он — *не только логика*. Он способен перемещаться по «семантическим слоям», сомневаться, проявлять хитрость, лукавство, юмор, помогающие ему выходить из парадоксов.

Вацлавик считает, что реакция обыденного сознания на абсурдные обстоятельства может быть тройкой: напряженный поиск смысла в происходящем, точное выполнение бессмысленных указаний (например, «копать от забора до обеда») и уклонение от коммуникации. Интереснее всего не столько «нахождение смысла», сколько здравомысленное поведение, помогающее смягчить абсурдизм, нередко проистекающей из слишком сильной подчиненности, слишком большого доверия и господства «чистой логики». Так, парадокс про брдобрея, который должен брить всех солдат, которые не бреются сами, разрешается, если солдат-брдобрей полагает, что он не брдобрей, а просто человек, который сам себя бреет, или же в игровом режиме считает, что он, как в театре, играет две роли сразу.

Говоря о реакции сознания на абсурд, Вацлавик приводит в пример жену, которая очень доверяла мужу, а он пригрозил «тоже найти себе развлечение», если она не перестанет пить перед обедом аперитив. Жена так верила в честность своей половины, что впала в неумеренную и беспричинную ревность, поскольку аперитив по-прежнему пила. Это, очевидно, особый случай невротической реакции. В отличие от невротика человек, обладающий здравым смыслом, всегда конкретно смотрит на события, способен ставить под сомнение категорические утверждения, а также относиться к обещанному со здоровым недоверием.

В современной жизни, где огромны регулятивные возможности управленческой иерархии, многие люди постоянно оказываются в парадоксальной формалистической ловушке. Начальники дают подчиненным невыполнимые задания и обещают наказать за их невыполнение, при этом подчиненные остаются достаточно психологически здоровыми и ясно мыслящими. Видимо, образ начальника не связан в этих случаях с сакральными чувствами, страхом и любовью, которые заставляли бы «держаться буквы» указания, а здравый смысл располагает человека к иронии, юмору и житейским хитростям, которые в данном случае оказываются спасительны. Здравый смысл влечет за

собой здоровое, лишённое экзальтации переживание и предрасполагает к поведению, которое в просторечии именуется смекалкой. Сказки всех стран полны примеров, где герои спасаются (правда, не от начальников, а от ведьм и драконов), находя выход из безвыходных положений с помощью шутки, игры и неожиданного поведения, придающего иной смысл происходящему.

Неразрешимо абсурдными и разрушительными являются только ситуации, где зависимость одних людей от других выступает полной, а наказание — жестоким и неотвратимым. Тогда действительно может спасти только «уклонение от коммуникации» или просто побег от издевательства.

В народной мысли здравый смысл, способный взаимодействовать и порой кооперироваться с абсурдом, создает самые различные шутки-перевертыши вроде «Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота». Это смешно, потому что одновременно и несуразно, и вполне понятно. Своеобразным испытанием здравого смысла выступает название сказки «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Однако в этой сказке «то, не знаю что» оказывается просто волшебником-невидимкой, так что абсурдное повеление оборачивается полезным приобретением — прагматический рассудок торжествует. Народная здравость проявляет удивительную изворотливость, человек находит тысячу способов для придания смысла бессмысленному, для нахождения прагматичных моментов в бестолковых ситуациях, вносит логику в любую абракадабру. У детей разных поколений воспроизводится «игра в калыки», когда нужно случайно нарисованной закорючке придать узнаваемую форму, и с этим обычно все успешно справляются: делают из чернильного пятна собаку, а из росчерка пера — человечка. Здравый смысл разнообразными способами теснит бессмысленное, он — «Протей, постоянно меняющий форму» [Егоров, 2006: 43].

Интересны свидетельства живучести здравого смысла и его доминирования в сознании, представленные как в художественной литературе, так и в литературе оккультно-эзотерической, претендующей на описание реального, но паранормального опыта. Примечательно чтение с этой точки зрения «Алисы в стране чудес». Алиса, поставленная в условия непрерывно меняющихся странных обстоятельств, с одной стороны, как-то приспосабливается к окружающему абсурдизму, но с другой — остается верна всем здравомысленным поучениям обычной жизни, которые она твердо усвоила. Так, становясь огромной от съеденного волшебного пирожка, она деловито, хотя и не без сомнений, беседует со своими отдаляющимися ногами как с живыми существами: «Бедные вы мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну, это как раз неплохо. С глаз долой — из сердца вон! Раз вы

так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет, — перебила она себя, — не надо с ними ссориться, а то они еще не станут меня слушаться! Я вас все равно буду любить, — крикнула она, — а на елку буду вам всегда дарить новые ботиночки!» [Жэрролл, 2015: 20]. Алиса осознает себя воспитанной, грамотной и ответственной девочкой во всех безумных перипетиях, в которых она оказывается. Обратим внимание на то, что Алисе не чужды юмор и ирония.

Можно сказать, что такая реакция Алисы — просто выдумка автора. В то же время в современных эзотерических произведениях весьма уважаемых исследователей порой описываются так называемые астральные выходы, т.е. паранормальные состояния перемещения сознания, при которых ясность мысли, самоотчетность, здравомыслие в полной мере сохраняются. Обстоятельства выступают как иррациональные, ни на что не похожие, нарушающие все свойства обыденности, а здравый смысл никуда не девается. Так, книга Роберта Монро «Путешествия вне тела» пошагово описывает необычный опыт автора, который он осознает, анализирует, ищет ему внятные объяснения. Монро провел скрупулезный анализ ощущений тела и самочувствия сознания в состояниях «астрального выхода», когда физическое тело лежит в трансе, и стремился доказать, что его переживания — не галлюцинации и не сновидения. Он писал: «От типичного состояния сновидения мои опыты отличаются прежде всего следующим: 1) ощущением непрерывности сознания; 2) интеллектуальными или эмоциональными решениями... 3) многозначностью воспринимаемого через сенсорные каналы или их эквиваленты; 4) неповторяемостью одних и тех же ситуаций; 5) развитием событий в последовательности, что предполагает временную протяженность» [Монро, 1994: 163]. Монро рассказывает о полной ясности осмысления происходящего, естественных в этой ситуации страхах, любопытстве и вполне рациональном стремлении разобраться. Будучи полностью сохранным как личность, он, подобно Алисе из сказки, верен своим обычным представлениям о хорошем и плохом, должном и недолжном, хотя задает себе много вопросов о новых реалиях.

Близкий по характеру опыт «здорового размышления» в «нездоровых обстоятельствах» описывает и Станислав Гроф, в частности в книге «Космическая игра». Проводя в США эксперимент с тогда еще не запрещенным ЛСД, он переместился из помещения, где находился, в квартиру своих родителей в Праге, причем обнаружил себя среди ламп, электрических схем и проводов. «После некоторого замешательства, — пишет Гроф, — я понял, что мое сознание заключено в телевизор, который стоял в квартире моих родителей, в углу комнаты. Чтобы видеть и слышать, я каким-то образом пытался использовать динамики и кинескоп. Спустя некоторое время я невольно рассмеялся, так как осознал, что это переживание — что-то вроде симво-

лического розыгрыша, насмешка над тем, что я до сих пор в плену давних представлений о пространстве, времени и материи... Как только я четко убедился и твердо уверовал, что мое сознание может выйти за пределы любых ограничений, включая скорость света, переживание быстро изменилось. Телевизор “вывернулся наизнанку”, и я обнаружил, что хожу по квартире своих родителей в Праге» [Гроф, 1997: 90]. И хотя через некоторое время Гроф испугался того смещения реальностей, к которому оказался причастен, до какого-то момента его мысль работала внятно и отчетливо.

Видимо, неправ был Альбер Камю, когда призывал своих читателей «жить, не отрывая глаз от абсурда»: абсурда смерти и иррациональности. Чем больше человек глядит на абсурд, чем дольше он действительно находится в парадоксальном, иррациональном положении, тем скорее он начинает превращать его в некий вариант обыденности, где возможны рефлексия, здравомыслие и различные сопоставимые версии происходящего. Внутренний порядок сложившегося сознания создает пусть нерадостный, но порядок в любом бредовом беспорядке. Главное, чтобы сохранялась личность.

Иррациональное против здравого смысла

Если личность нарушена или хотя бы потеснена, человек не может рационально и ответственно действовать и о здравом смысле можно забыть. Личностное ядро, самосознание, индивидуальная воля — это то, благодаря чему только и возможно здравомыслие, а иначе кому оно будет принадлежать? В этом смысле в размышлениях Ж. Делеза и Ф. Гваттари о «желающих машинах», «шизопотоках» говорится не только об отказе от личностного центра, но и от всякого здравого мировосприятия вкупе с ответственностью за то, что творишь.

Итак, два первых и самых опасных противника здравого смысла — это патологические случаи — деперсонализация и одержимость, свойственные тяжелым неврозам и психозам. В более мягком варианте это — разные формы самоотчуждения, которые не всегда можно сразу разглядеть. Деперсонализация означает отчуждение от самого себя, наблюдение за собой по преимуществу со стороны, невовлеченность в общение и деятельность, чувство нереальности происходящего и вследствие этого обезличенность. Человек, пребывающий в состоянии деперсонализации, переживает мир так, будто он сам себе не важен и неприятен и вообще на самом деле не существует. «Отчасти это последствие невротического развития в целом, — замечает К. Хорни, — особенно *всего того, что есть в неврозе компульсивного*. Всего, что включает в себя: “Не я иду, меня несет”. В данном контексте неважно, в какой области имеется компульсивность —

в отношениях с людьми (смирение, мстительность, уход) или по отношению к себе (самоидеализация). Сама вынужденность влечения неизбежно лишает человека независимости и спонтанности... Компulsive влечения, находящиеся в конфликте между собой, еще более снижают его цельность, его способность решать и давать указания» [Хорни, 1997: 143]. Когда снижаются рефлексия и самоконтроль, человек оказывается игрушкой неподконтрольных ему внутренних и внешних сил. Понятно, что говорить о здравомыслии в этом случае не приходится. В более тяжелых ситуациях с деградацией Я окончательно исчезает надежда на способность самостоятельно и гибко оценивать ситуацию и избирательно, в рамках конкретного контекста применять социокультурные нормы. «При шизофреническом состоянии, — пишет Р. Лэнг, — мир стоит в руинах, а Я (очевидно) мертво» [Лэнг, 1995: 85].

Потерявший Я безумец также не может вести себя и мыслить здраво, как и человек, в чьей душе поселились «даймоны», о которых много пишет Дж. Хиллман [Хиллман, 2006], опираясь на идеи К.Г. Юнга. Даже если не считать эти звучащие в голове чужие голоса «отколовшимися частями личности» и проявлением глубинных архетипов, это не снимает вопроса об отсутствии здравости. Можно согласиться с глубоко уважаемым мною В.В. Налимовым, когда он говорит о многомерности личности; можно принимать психологическую теорию субличностей, которая разделяется, в частности, гештальт-терапией, но нельзя принять, что личность, которая переживает себя децентрированной, многополярной, способна на последовательную здравость: разнопорядковые «голоса» внутри будут тащить ее в разные стороны. В течение нескольких лет мне, автору этой статьи, приходится наблюдать титаническую борьбу знакомого человека с «голосом» внутри его сознания. Человек продолжает работать, заниматься своим маленьким бизнесом, к врачу идти отказывается. Его рациональное мышление, которое отчасти сохраняется, противостоит напору «чужих» указаний, стремится остаться единственным центром. При этом, используя гибкость здравого смысла, человек изобретает объяснение своему раздвоению: он считает, что он — суфий и у него сложный суфийский путь к духовному совершенству через страдание. Однако никто не знает, победит ли его «здоровое Я» или оно окончательно рухнет под напором «внутреннего Другого».

Серьезным противником здравого смысла является также всякое нарушение меры эмоций и желаний, пусть даже оно никак не проходит по ведомству психиатрии. Одержимость страстями и пороками ничем не лучше настоящего безумия, и многие преступления человечества связаны с тем, что порой называют иррациональными «безразмерными желаниями»: жадной власти, богатства, самоутверждения, которые нельзя ничем насытить и усмирить. В этих случаях полно-

стью исчезает самокритика, которая хотя и не доминирует в здравомыслии, но обязательно присутствует как механизм обратной связи с миром. Кстати, юмору, спасительному в ситуациях осознаваемого абсурда, здесь тоже нет места. Люди, ведомые маниакальной страстью алчности или самоутверждения, очень серьезны по отношению к самим себе. Интересно, что при этом они весьма расчетливо и прагматично подбирают средства для решения задач, по существу отрицающих здравый смысл, который так или иначе ориентирован на правила общежития и применение сложившихся социокультурных норм. Здесь в несколько иной мере, чем при патологии, также возникает своего рода одержимость, навязчивость, сверхзначимость, переходящая в фанатизм. Перед фанатизмом здравый смысл пасует, он с ним не справляется, поскольку тот, кто охвачен иррациональной страстью, например желанием господства, не слушает никаких разумных аргументов и не принимает во внимание предупреждений об опасности. Здравый смысл вообще «не боец», он — проявление осторожности, осмотрительности, и любые сильные страсти, даже позитивные, — стремление к героическому, романтизм, жертвенное прекраснодушие — ему по большей части чужды. Они нарушают взвешенность и адаптивность, нацеленность на утверждение доминирующей ценности, в первую очередь ценности жизни и благополучия.

Противоречит здравому смыслу и доктринальность, не терпящая критики. Создатели и приверженцы доктрин, религиозных или политических, всегда впадают в крайности, тяготеют к экстремальным позициям, нарушают баланс здравомыслия, создают противоположности, в то время как здравость — свойство середины, посредник, медиатор, примиритель. Одновременно доктринер практически теряет свою личность, индивидуальность, он становится рупором идеи, догмата, лозунга, «живым слоганом», не способным на рациональную рефлексию и элемент здорового сомнения.

Особым оппонентом здравого смысла является своеволие, основанное на способности к свободе. Потому что своеволие, это, во-первых, вновь нарушение меры — меры возможного и дозволенного, во-вторых, оно принципиально глухо к аргументам рассудка и разума. Казалось бы, что может быть большим выражением личности, чем ее собственная воля? Но здесь наблюдается случай, когда личность отказывается считаться с логикой мира и вещей, тем самым ставя себя в ряд случайностей, отождествляясь с собственным капризом, готова вредить себе самой вплоть до саморазрушения. Своеволье иррационально и, отвергая здравый смысл, не утверждает личность, а разрушает ее. О своеволии как противнике здравомыслия замечательно писал Ф.М. Достоевский: «Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагород-

ной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуться ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен. И все это от самой пустейшей причины, об которой бы, кажется, и упоминать не стоит: именно оттого, что человек всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода; хотеть же можно и против собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это уж моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту» [Достоевский, 1956: 153]. Сами термины, которые выбирает Достоевский, — «каприз», «сумасшествие» — подчеркивают, что, с его точки зрения, люди часто далеки от здравомыслия, а разрушительное, но приятное в данный момент своеволие воспринимают как истинное проявление себя... Нередко эти строки цитируют, чтобы показать, как Достоевский отвергает буржуазную рассудочность, стремящуюся к выгоде, но персонаж, произносящий эти слова, настолько отвратителен, что трудно поверить, будто классик с ним совершенно солидарен...

Разумеется, наш обзор «оппонентов» здравого смысла далеко не полон, но можно смело сказать, что само обыденное сознание, которое отнюдь не сводится к своей рациональной составляющей, в значительной степени является пространством для расцвета разнообразных внерациональных и иррациональных форм мировосприятия. Здравый смысл должен постоянно балансировать между полярностями: крайностями нормативности и традиционности, эталонами общепринятого, с одной стороны, и страстями и своеволием — с другой. Он должен быть послушным и критичным, серьезным и ироничным, рассудочно-строгим и игровым — в зависимости от происходящего. Его роль — роль Фигаро, он обязан неумоимо находить некое «среднее арифметическое» между несопоставимыми требованиями и влечениями, до какой-то степени угождать тем и другим, вести своего владельца по жизни наиболее оптимальным путем.

Весьма своеобразным противником здравого смысла выступает современное динамичное, неустойчивое, постоянно меняющееся общество, трансформирующее представление об идентичности, без которого нет здравомыслия. Кризис идентичности как самих людей, так и целых сфер жизни прекрасно описан в работах Ж. Бодрийяра: «Кибернетическая революция подводит человека, оказавшегося перед

лицом равновесия между мозгом и компьютером, к решающему вопросу: человек я или машина? Происходящая в наши дни генетическая революция подводит человека к вопросу: человек я или виртуальный клон? Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина?» [Бодрийяр, 2000: 38]. Естественно, что проблемная и «текучая» идентичность, подменяющие друг друга социокультурные сферы, доминирование режима «общества спектакля» (Ги Дебор) лишают размышления и поступки той здравости, которая свойственна периодам относительной социально-нравственной стабильности и устойчивости общезначимых норм и стереотипов. Это можно увидеть и на примере захваченности целых народов идеалом культурной толерантности, которая способна последовательно привести к национально-культурному самоуничтожению, и на примере увлеченности трансгуманизмом, который ведет к уничтожению человеческого. Что «более здраво» — дать другим народам поглотить свой народ или отстаивать собственную идентичность? Что вернее соответствует здоровому смыслу — сохранять собственно-человеческое или стремиться к максимальной киборгизации, открывающей новые горизонты для постчеловеческого существа? Здесь здравый смысл вновь отсылает нас к системе ценностей, сам он не справляется, ибо его фундамент поколеблен.

Наконец, завершая наше небольшое размышление, подчеркнем, что всякое отчуждение, всякое отделение формы от содержания порождает по крайней мере внешнюю поверхностную иррациональность, которая тяжело переживается людьми как тягостный абсурд. Примечательно, что в этом случае здравый смысл нередко не исчезает, он просто перемещается внутри сложных социальных феноменов, занимая какой-либо «этаж» разделяемой реальности, но очевидно отсутствуя на другом. Типичный тому пример — действие разветвленной бюрократической системы. На нижнем «этаже» — уровне исполнителей, которых сокращают, заставляют выполнять бесчисленные никому не нужные формальности, создают им невыносимые условия труда, дают противоречивые указания, требуют заведомо нереальных объемов работы и т.д. — действия начальства кажутся бредом, а действительность — затмевающей любого Кафку. Но на верхних этажах управленчески-бюрократической пирамиды все эти бессмысленные указания оказываются в чем-то выгодны, наверное, очень удобны, они помогают держать подчиненных в узде, иметь на каждого ослушника компромат, формально успешно отчитываться перед вышестоящими руководителями, под сурдинку брать взятки и воровать. То есть здравый смысл тут вполне присутствует, просто он не распространяется на дело, на исполнение работы, на производство материальных или духовных благ, а служит исключительно благу чиновни-

ков по принципу «твой абсурд = мой здравый смысл». Рацио продолжает работать, но в узком спектре, существуя за счет лежащего ниже «моря иррационального». Впрочем, само это иррациональное порождает свои «здравомысленные выходы», одним из которых, как мы уже замечали, является халтура и, добавим, очковтирательство. Выживание исполнителей зависит от «соответствия иррациональным требованиям», и они предъявляют свидетельства фальшивого и формального соответствия. Круг рационального-иррационального замыкается.

Некоторые выводы

Здравый смысл — повседневное проявление *ratio*, способность к гибкому контекстуальному мышлению и поведению, которая может сохраняться в самых нелепых, странных и паранормальных ситуациях, но лишь до тех пор, пока человек сохраняет личностную целостность и идентичность. В бредовой и абсурдной обстановке здоровое сознание продолжает действовать благодаря выходу за пределы «чистой логики», обращению к сопредельным областям внутреннего мира, связанного с фантазией, шуткой, игрой. Именно такое «расширение здравого смысла» за свои пределы ведет к упорядочиванию окружающей реальности, ее рационализации и даже к превращению ее в «вариант обыденности».

Здравый смысл помогает человеку жить и развиваться, а также утверждать свои ценностные приоритеты, но он не справляется с разросшимися силами иррационального, когда они подрывают единство Я, вызывают навязчивое поведение, выражаются в разного рода нарушениях меры — деперсонализации, страстной одержимости и избыточном своеволии. Если нет патологии, то возвращению здравости помогает лишь снижение накала страстей, что возможно с помощью того же юмора, иронии и игры.

Современное динамичное общество, трансформирующее идентичность и исполненное различных форм отчуждения, является большим испытанием для человеческого здравомыслия, хотя не исключено, что оно сделает здравый смысл еще более изощренным и точным инструментом сознания.

Библиографический список

- Аллахвердов, 2000 — *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000. 528 с.
Балашов, 2001 — *Балашов Л.Е.* Практическая философия. М., 2000. 320 с.
Бодрийяр, 2000 — *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.
Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000 — *Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб., 2000. 299 с.

- Гирц, 2008 — *Гирц К.* Здравый смысл как культурная система. — <http://polit.ru/article/2008/01/17/deertz/> (обращение к сайту 07.01.2016).
- Гроф, 1997 — *Гроф С.* Космическая игра. М., 1997. 256 с.
- Длугач, 2008 — *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла или рождение идем суверенной личности. М., 2008. 336 с.
- Достоевский, 1956 — *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. Т. 4. М., 1956. 610 с.
- Егоров, 2006 — *Егоров А.Е.* Здравый смысл как трансгрессия // Измененные состояния сознания. СПб., 2006. С. 40–52.
- Кант, 1964 — *Кант И.* Критика чистого разума» // И. Кант. Соч. В 6 т. Т. 3. М., 1964. 799 с.
- Кэрролл, 2015 — *Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес. М., 2015. 142 с.
- Лэнг, 1995 — *Лэнг Р.* Расколотое «я» М., 1995. 352 с.
- Мигуренко, 2013 — *Мигуренко Р.А.* Здравый смысл как предмет философской рефлексии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. 199 с.
- Монро, 1994 — *Монро Р.А.* Путешествия вне тела. Киев, 1994. 260 с.
- Сартр, 1989 — *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов М., 1989. 398 с.
- Хиллман, 2006 — *Хиллман Дж.* Архетипическая психология. М., 2006. 351 с.
- Хорни, 1997 — *Хорни К.* Невроз и личностный рост. СПб., 1997. 320 с.
- Шюц, 2004 — *Шюц А.* Избранное: мир светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
- Яковлева, 2007 — *Яковлева Л.И.* Понятие здравого смысла и традиция, его конституирующая // Вестник Московского университета. Философия. 2007. № 4. С. 29–49.

References

- Allahverdov V.M. *Conscience as a Paradox* [Soznanie kak paradox]. Saint Petersburg, DNK, 2000. 528 p.
- Balashov L.E. *Practical Philosophy* [Prakticheskaya filosofiya]. Moscow, MZ-Press, 2001. 320 p.
- Baudrillard J. *Transparency of Evil*. Moscow, Dobrosvet, 2006. 258 p.
- Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. Moscow, AST, 2015. 142 p.
- Dlugach T.B. *Exploit of the Common Sense Or the Birth of the Idea of Sovereign Person* [Podvig zdravogo smyisla ili rozhdenie idem suverennoy lichnosti]. Moscow, Kanon+, Reabilitacija, 2008. 336 p.
- Dostoevsky F.M. Notes From Underground [Zapiski iz podpolya]. *F.M. Dostoevsky. Collected works*, vol. 4, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1956. 610 d.
- Egorov A.E. Common Sense as a Transgression [Zdravyiy smysl kak transgressiya]. *Altered states of consciousness — Izmenennyye sostoyaniya soznaniya*. Saint Petersburg, Rech', 2006, pp. 40–52.
- Geertz K. *Common Sense As Cultural System*. Available at: <http://polit.ru/article/2008/01/17/deertz/> (accessed 07.01.2016).
- Grof S. *Cosmic Game. Exploration of the Human Consciousness*. Moscow, Ganga, 1997. 256 p.
- Hillman J. *Archetypal Psychology*. Moscow, Cogito-center, 2006. 351 p.
- Horney K. *Neurosis and Human Growth*. Saint Petersburg: Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza i BSK, 1997. 320 p.

- Kant I. *Critic of the Pure Reason* [Kritik der Reinen Vernunft]. *I. Kant. Collected works*, vol. 3, Moscow, Mysl', 1964. 799 p.
- Laing R. *The Divided Self*. Moscow, Belyj krolik, 1995. 352 p.
- Migurenko R.A. Common Sense as a Matter of Philosophical Reflexion [Zdravyyiy smysl kak predmet filosofskoy refleksii]. *Bulletin of Tomsk State University — Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 370, pp. 38–45.
- Monroe R.A. *Journeys Out of the Body*. Kiev, Sofia, 1994. 260 p.
- Sartre J.P. Existentialism is a Humanism. *Twilight of the Gods [Sumerki bogov]*, Moscow, Politizdat, 1989, pp. 319–344.
- Schutz A. *Favorites: World glowing sense*. Moscow, ROSSPJeN, 2004. 1056 p.
- Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. *Psychology of Interpersonal Communications*. Saint Petersburg, Rech', 2000. 299 p.
- Yakovleva L.I. The Concept of the Common Sense and the Tradition of Its Working Out [Ponyatie zdravogo smysla i traditsiya, ego konstituiruyuschaya]. *The Bulletin of Moscow State University — Vestnik Moskovskogo universiteta, Philosophy*, 2007, no. 4. pp. 29–49.